

И. ЛАКОВИЧ
(Институт истории Университета
Черногорици, Подгорица)

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЮГОСЛАВСКОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ (1956–1961 гг.)*¹

Abstract:

Laković I. *Pivot in the Yugoslav military policy (1956–1961)*

On the base of the documents of Yugoslav and US origin, this paper treats the beginning of pivot of Yugoslav military policy towards the cooperation with the USSR in the second half of the 1950s. In the period between 1951 and 1958, Yugoslavia was receiving military aid from the Western countries, particularly the USA. That support provided the source for both maintaining the combat readiness of Yugoslav troops, as well as modernization of their arsenal. On the other hand, such an aid could have easily become a way into closer bonding to NATO, which was the outcome Tito definitely had not wanted. He used the opportunity which emerged after Stalin's death to step into the process of normalization of relations with the USSR, while maintaining close economic and certain level of military ties with the West. The latter, however, slowly faded with time – The Balkan Pact with Greece and Turkey remained inefficient, while Yugoslavia unilaterally stepped out from the program of the US military aid in late 1957. Although it had not meant the immediate turn towards the military cooperation with the East, such policy had soon become a reality. Diversifying its orientations into three main categories – close political associating with the “Third world” countries, preserving its economic relationships with the West and opening the chapter of strategic cooperation in domain of military equipping with the USSR, Yugoslavia additionally consolidated its position between the confronted blocks.

Ключевые слова: Югославия, СССР, США, переориентация военной политики Югославии в 1956–1961 гг.

В период после советско-югославского конфликта 1948 г. Югославия совершила политический, экономический и военный поворот в сторону Запада, особенно США. Последние стали главным источником модернизации ее вооруженных сил, осуществляя поставки недостающего вооружения и оборудования. 14 ноября 1951 г. после подписания в Белграде соглашения о вхождении Югославии в программу американской военной помощи, начался период открытия Федеративной Народной республики Югославия (ФНРЮ)

* Работа написана в рамках проекта *Црна Гора и Југоисточна Европа у спољној политици Великих Сил у првој половини XX вијека.*

западным военным концепциям, не только в рамках поставок вооружения, но и в смысле стратегической интеграции¹. Программа в период своего существования повлияла на появление представления о Югославии как о стране, очень близкой к НАТО. В начале 1953 г. это было дополнительно подкреплено фактом подписания Балканского пакта с Грецией и Турцией, полноправными членами данного союза². Однако югославское руководство не было готово отказаться от своего нынешнего политического курса и стать частью западной военно-политической системы, поэтому по окончании Триестского кризиса 1953–1954 гг.³ оно начало сотрудничество с недавно добившимися независимости странами Азии и Африки⁴ и пошло на нормализацию отношений с СССР⁵. Сохранение текущего уровня сотрудничества с Западом стало фактором, осложняющим развитие советско-югославских отношений⁶.

Опора на программу военной помощи США, в условиях непосредственной военной опасности на восточных и западных границах, была оправдана. Однако со временем открывались перспективы, которые не отвечали интересам югославского партийного и политического руководства. Для проведения независимой внешней политики и политики мирного сосуществования с блоками Югославия нуждалась в военном потенциале, в качестве опоры ее внешнеполитической позиции. Ее вооруженные силы должны были находиться на удовлетворительном оперативно-технико-тактическом уровне, что, опираясь на внутреннее производство, возможности и ресурсы, было невозможно. Таким образом, выбор стратегического партнера и военного союзника становился непременным условием проведения внешней политики. В период 1949–1951 гг. эта дилемма разрешилась сама собой – чувствуя угрозу одного блока, Югославия искала поддержку со стороны другого. Однако после начала нормализации отношений с СССР большое значение получили анализ и оценка возможностей сверхдержав и их военных союзов в случае их возможного столкновения. Нужно сказать, что такой выбор привел к принятию решений, которые на долгий срок определили югославскую военную и внешнеполитическую ориентацию.

Согласно доступным документам, в 1956–1957 гг. в Югославии сформировалось представление о положении, потенциалах и возможностях ведения войны между военными блоками. Считалось, что за восемь лет с момента основания НАТО, пятнадцать европейских стран, входивших в Североатлантический Альянс, располагали 30 дивизиями действующей армии и 15 дивизиями резерва против 175 русских и 65 дивизий стран социалистическо-

го лагеря. Численность самолетов НАТО составляла около 3 000 против, как оценивалось, 19 000 русских и 2 500 принадлежавших странам соцлагеря; соотношение в танках было еще более выражено, а советский подводный флот считался самым мощным в мире. Важно упомянуть, что атомными и водородными (термоядерными) бомбами теперь располагали не только США, но и Советский Союз, так что картина возможного столкновения для европейских стран НАТО казалась весьма неблагоприятной. Такие оценки сознательно не учитывали американские хозяйственные и мобилизационные возможности, потому что относились к ситуации возможного столкновения на европейской территории. Хотя, теоретически, его длительность из-за разрушительной силы оружия свелась бы только к первому удару и возможному непосредственному ответу. Югославские политики считали, что мобилизация американцев на своей территории не окажет значительного влияния на судьбу военных действий в Европе в первой, решающей фазе столкновения. Ядерная война не могла быть длительной, поэтому крепкая экономика и наличие человеческих ресурсов, защищенных от ужасов войны, не играли бы в ней ключевую роль – так, как это произошло в годы Второй мировой⁷.

Позже эксперты югославского Секретариата иностранных дел отчасти приняли во внимание бурное развитие стратегической и тактической авиации стран западного блока. Однако, с точки зрения количества, концентрации и развёртывания войск на возможном европейском театре военных действий, абсолютный перевес остался на стороне Востока. Согласно архивным данным, в мирное время НАТО располагало 42-мя против 72 дивизий восточного блока; через 7 дней после начала мобилизации расстановка сил оценивалась как 104 против 195 восточных дивизий, а через месяц общее число дивизий составляло бы 186 против 330. На главном направлении возможного удара сил Варшавского договора – Центральной Европе – количественное соотношение сил выходило 2:1 в пользу СССР и его союзников, т.е. 45 дивизий против 22 западных, а благодаря их удачному географическому расположению получалось даже 3:1. Подобное также относится и к трём другим возможным театрам военных действий (среднеазиатский, дальневосточный, арктический), так что, в целом, восточный блок имел значительное превосходство в сухопутных силах. Если к этому прибавить тот факт, что современные концепции ведения боевых действий, подразумевавшие использование ядерного и термоядерного оружия, теоретически предполагали возможность ведения удачных наступательных операций, даже при соотношении

сил 1:1, картина советского превосходства получалась ещё более явной⁸.

Югославское руководство, вне зависимости от своих политико-идеологических симпатий и антипатий, понимало, что выбор военно-стратегического партнера, если он не связан с нападением или выраженной угрозой нападения одной из сверхдержав, должен быть сделан в соответствии с потенциалом всех предложенных вариантов. Югославская сторона считала, что СССР в 1950-е годы в ходе гонки вооружений превзошёл своего западного противника, и что его нынешний военный потенциал выше. Ещё важнее было то, что не существовало предпосылок (или югославские аналитики их не видели) для изменения положения в ближайшем будущем, и, таким образом, создавалось впечатление о советском военном превосходстве как о долговременном факте.

С другой стороны, оставаться или выйти из Программы помощи для совместной обороны⁹ было для Югославии вопросом, который, наряду с оценкой, какой из блоков в настоящий момент или в долгосрочной перспективе будет сильнее, влиял на её судьбу, вне зависимости от того состоится ли глобальное вооруженное столкновение сверхдержав. Программа западной военной помощи, вопреки всем недостаткам, была единственной возможностью для модернизации югославских вооруженных сил и, таким образом, создала предпосылки улучшения отношений с НАТО на высшем уровне партнерства. В дальнейшем, этот факт означал бы потерю равноудаленного от блоков положения и препятствовал нормализации отношений с СССР. Югославское руководство особенно беспокоило сознание того, что военная помощь США представляет собой угрозу для идеолого-политического проекта внутреннего общественного и государственного развития ФНРЮ. Однако выйти из программы до окончательной нормализации отношений с Советским Союзом означало бы оказаться на неизвестной территории на половине пути в противоположном направлении, с армией, находящейся в процессе модернизации и технического перевооружения. Сотрудничество с Западом означало ясно выраженные и известные последствия, невозможные для югославской верхушки; ориентация на восточный блок, казалось, предполагала определенные возможности для сохранения государственно-идеологических приоритетов. Югославия стояла на пути интеграции в одну из двух доминирующих военных систем, если не в смысле полного принятия стратегических и военно-политических доктрин, то, однозначно, в смысле принятия материально-технической культуры и правил пользования системами вооруже-

ния, что означало укрепление межгосударственных и межармейских отношений на фоне эксплуатации упомянутого оружия¹⁰.

На решение Югославии покинуть программу американской военной помощи, кроме обозначенных существенных причин, также повлияли и некоторые оперативные и технические вопросы. США в начале действия программы создали прецедент, который больше не повторился, однако предоставление помощи теперь было сопряжено с постоянными задержками поставок, затягиванием переговоров, недоверием между участниками проекта с обеих сторон и ее непосредственными исполнителями на местах. Скупость и медлительность, в которой временами упрекали американцев¹¹, уменьшали значение поставок и в оперативном, и в стратегическом смысле. Программа оказалась бременем для югославского руководства и была недостаточно привлекательной, чтобы принять решение продолжить в ней участие.

Словом, было очевидно, что программа военной помощи не успела прочно связать Югославию с западным блоком. Сохранение членства ФНРЮ в Балканском пакте могло повлечь за собой определённые политические или экономические последствия, но военный аспект этого союза был практически сведен на нет и превратил эту организацию в, по большей части, бесполезную для НАТО и Запада. Кроме того, уже в то время было ясно, что попытки координации стратегических оборонительных планов между Югославией и западным блоком оказались безуспешными, что было высказано в положении американского Объединённого Генерального штаба¹²: «Снабжение югославских вооруженных сил не является частью ни одного согласованного или одобренного американско-югославского военного плана»¹³. Укрепление Югославской Народной армии (ЮНА) было результатом договоренностей, но они должны были привести к координации планов и созданию системы совместной обороны, причем американские поставки должны были использоваться так, как это было запланировано в Вашингтоне. Действуя в своих интересах, американская сторона, безусловно, оказывала влияние, но не имела ни полного контроля, ни возможности планировать размещение войсковых частей, которые она обеспечивала своими вооружениями.

С другой стороны, значение военной помощи Югославии президент Д. Эйзенхауэр¹⁴ воспринимал через призму содействия её положению вне зоны советского контроля и её неучастия в проектах коммунистической экспансии в мире. В этом он видел пользу от продолжения действия программы. 9 октября 1956 г. Объединенный Генеральный штаб США направил югославскому

Секретариату обороны своё положение, в котором была выражена государственная позиция по этим вопросам. В первой части говорилось о советском контроле над Югославией: «Хотя дать однозначный ответ по данному вопросу невозможно, совокупность новейших разведывательных данных указывает на то, что в югославской политике не произошло изменений и Югославия не находится под влиянием СССР. И все-таки, необходимо признать, что Тито, вопреки своей провозглашаемой нейтральной позиции, в последнее время движется в сторону советской политики. Учитывая, что Тито коммунист, логично ожидать, что его дальнейшие краткосрочные политические планы будут определяться принципом целесообразности». Во-вторых, в этом документе указывалось, что «Тито в переговорах с Западом недвусмысленно отказывался отклониться от своей коммунистической идеологии. Поэтому существует вероятность, что он поддержит программу, которая в качестве долгосрочной цели предполагает реализацию ряда коммунистических установок, в том числе и утверждение их идеологического диктата по всему миру. Возможно, что имелись тайные советско-югославские договоренности, но американский Генштаб не обладал информацией, подтверждающей их существование»¹⁵.

В-третьих, «стратегическое значение для США и НАТО имеет географическое положение Югославии, т.е. устранение угрозы использования её территории как плацдарма для передвижений или других военных операций вражеских сил. Самым желательным для США вариантом было бы установление контроля над территорией союзной им Югославии, но при этом даже сохранение на определённом уровне югославского нейтралитета, который бы лишил СССР возможности использовать эту стратегически важную территорию, для США приемлем. Тито в настоящий момент проводит гибкую и непредсказуемую политику, благодаря которой Югославия пользуется привилегиями со стороны США и СССР, избегая при этом значительных обязательств по отношению к ним. Хотя американская сторона и НАТО этим недовольны, её независимость, насколько нам известно, до сих пор лишает СССР возможности использовать югославскую территорию и вооруженные силы, а также делает невозможным доступ советского флота к Средиземному морю через Адриатику. В интересах США поддерживать хотя бы такое стратегическое преимущество, каким мы ныне пользуемся. Невозможно установить, может ли прекращение военной помощи повлиять на изменение позиции Тито. Но известно, что он серьезно нуждается в ней, так что отказ от продолжения военной и экономической помощи означал бы уступку Со-

ветскому Союзу. Несмотря на это, пока обстоятельства не будут благоприятствовать иному курсу, военную помощь Югославии нужно прекратить»¹⁶.

Югославская сторона первой сделала решительный шаг к выходу из Программы помощи для совместной обороны. Летом 1956 г. Тито в нескольких своих выступлениях озвучил информацию о готовности Югославии отказаться от военной помощи. В условиях постоянного затягивания и проверок целесообразности оказания помощи ФНРЮ со стороны американского Конгресса и Администрации и фактического срыва поставок вооружений ему стало ясно, что продолжение программы было бы возможно лишь в случае серьёзного политического поворота в сторону НАТО и Запада. Для такого шага не было ни желания, ни политической необходимости. 6 декабря 1957 г. на Брионах Тито сообщил американскому послу Дж. Ридлбергеру о своём решении выйти из Программы военной помощи. Согласно сербскому историку Д. Богетичу, американский дипломат согласился с мнением югославского президента о том, что программа создает обоим сторонам больше проблем в развитии двусторонних отношений, чем политической пользы, упомянув при этом, что югославский односторонний отказ от помощи негативно скажется на международном положении США. Поэтому они договорились закончить Программу в форме «согласованного прекращения помощи»¹⁷.

Окончание сотрудничества, основанного на военной помощи Югославии со стороны США, стало облегчением для американской Администрации. 14 апреля 1958 г. на заседании Совета национальной безопасности США обсуждалась новая платформа американской политики в отношении Югославии. Во время обсуждения резолюции NSC 5805 государственный секретарь Дж. Даллес настаивал на том, чтобы в ее окончательный текст не вносить формулировку, согласно которой «Югославия отказалась от любой военной помощи со стороны США». «Им было совершенно ясно, как и по вопросу приглашения Тито посетить с визитом США, что продолжение военной помощи Югославии станет позором (embarrassment) для Администрации и осложнит ее отношения с Конгрессом и различными группами в США. Нужно подчеркнуть, что Тито больше помог освобождению Администрации (got off the hook), чем искренне хотел отказаться от любой американской военной помощи». Госсекретарь Даллес повторил, что благодарит его за этот поступок¹⁸.

Выход Югославии из Программы американской военной помощи в конце 1957 г.¹⁹, хотя и влиял на дальнейшее планирование

и реализацию государственной военной политики, в сущности, меньше всего был продиктован интересами армии. До тех пор Программа обеспечивала качественную модернизацию югославской военной системы и пополнение арсенала самой необходимой военной продукцией. Ее сложность, цена и невозможность самостоятельного производства постоянно напоминали, что единственным способом заменить свой арсенал более мощными и современными образцами для Югославии может быть только стратегическое партнерство с одной из двух сверхдержав, как основное условие непрерывных поставок вооружения и военных комплектующих. Однако югославской государственной верхушке было понятно, что столь существенная связь с одним из противостоящих блоков означает неизбежное попадание под его влияние и перспективу потери независимости, либо в форме собственного государственного и общественного устройства, либо в проведении своей внешней политики. Несмотря на недавний выход из Программы помощи, представляющей самый важный источник модернизации и укрепления югославских вооруженных сил, считалось, что ее политическая цена весьма высока. С другой стороны, у армии не было гибкости дипломатической службы; для нее стагнация в материально-организационном развитии являлась проблемой, требующей системных и долгосрочных решений. Военное сотрудничество с Западом могло стать таким решением, но от этого проекта отказались в момент, когда поставки американских вооружений стали недостаточными и не могли быть причиной настоящих политических поворотов²⁰.

Югославское руководство в ходе реализации программы, при нескрываемом недовольстве США, постоянно старалось как можно меньше использовать поставляемую продукцию, а значительную ее часть сохранить²¹. Таким образом, в распоряжении ЮНА оказалось большое количество американской военной техники в рабочем состоянии, но продление срока ее эксплуатации могло быть только временной мерой до принятия какого-то нового системного решения. Хотя такое решение искали в гораздо менее драматических условиях, чем десятью годами ранее, любое промедление стало бы препятствием на пути развития югославских вооруженных сил²².

Прекращение Программы американской военной помощи, если посмотреть на него через призму нормализации отношений с СССР и активного развития сотрудничества со странами «третьего мира», должно было стать шагом, подтверждавшим независимость югославской политики и уравновешенность её позиции

между противостоящими блоками²³. На первый взгляд казалось, что такое действие осуществляется в данный момент – большая часть вооружений по ранее утвержденным программам была предоставлена, поставки оставшегося были осложнены различными политическими вопросами, а продолжение Программы не было запланировано. Перспективы экономической консолидации с СССР, сквозь завесу идеологического тумана, казались спасительным решением, восстанавливающим равновесное положение в финансовой и материальной зависимости Югославии от иностранных государств. Военное сотрудничество с США происходило в одном историческом периоде, теперь международная ситуация складывалась по-другому, и югославская сторона решила прекратить сотрудничество. Вместо высказываемых прежде угроз, критических кампаний в средствах массовой информации, экономических и дипломатических блокад, сейчас в отношениях с Востоком, за исключением Албании и Китая, отчетливо проявлялось стремление к уменьшению числа спорных вопросов в будущем. Впечатляющие суммы одобренных советских кредитов и прием, оказанный Тито в ходе его визита в СССР в 1956 г., это подтверждали²⁴.

На самом деле такой идиллии не было, и ни одна из сторон не верила в ее существование. Для Советского Союза и его лидера Н.С. Хрущева возвращение Югославии под покровительство Кремля представляло собой ту цель, к которой стремились и за которую были готовы заплатить определенную цену. Таким образом, целью СССР было именно то, чего Югославия никак не хотела допустить, – снова подчиниться и возвратиться в советский лагерь²⁵. Когда осенью 1957 г. стало понятно, что новые расхождения по этому вопросу неминуемы, казалось, что сложившаяся ситуация грозит Югославии большим проигрышем – в отношении программы военного сотрудничества с Западом не существовало определенности, а советские кредиты еще не были предоставлены в предусмотренном объеме. С точки зрения потребностей югославских вооруженных сил все указывало на начало нового периода нехватки и импровизации.

В 1959 г., согласно плану *«Дрвар»*, произошла реорганизация Югославской Народной армии в соответствии с изменившейся картиной военной опасности. Осознание силы и разрушительной мощи оружия, находящегося в распоряжении сверхдержав, а также сложившееся представление о том, что нападение на Югославию может быть осуществлено с разных сторон, предопределили новую организацию государственной обороны. Поскольку предыдущая концепция была задумана в большей степени с целью пре-

дотворачивания прорыва с Востока по заданным направлениям, сейчас было необходимо создать систему, которая смогла бы остановить «агрессора», откуда бы ни было совершено нападение. В новой концепции был учтен опыт ведения в Югославии партизанской войны (1941–1944 гг.). Принятая в 1958 г. «Стратегия общенародной войны» предусматривала децентрализацию, большую мобильность и автономность военных подразделений, что по задумке югославских военных позволило бы повысить эффективность ЮНА в войне с применением термоядерного оружия. Хотя такой подход к проблеме национальной обороны имел свою внутреннюю логику, он представлял собой ещё один шаг, который отдалял Югославию от США²⁶.

Однако эта переориентация в глазах американских официальных лиц означала и изменение представлений о Югославии. По мнению представителей США, независимая позиция югославов в отношениях с Москвой делала им честь, но не налагала обязательств использования военных сил для того, чтобы воспрепятствовать возможным агрессивным намерениям Запада. Территориальное расположение разворачиваемых частей указывало на то, что Запад в новых планах югославского командования не представлял собой безопасного тыла. Американским стратегам было очевидно, что это служит подтверждением нежелания Белграда продолжить или возобновить военное сотрудничество на прежних условиях²⁷.

Хотя эти действия совпали по времени с новым охлаждением в отношениях с Востоком, их реализация продолжилась без изменений. Оставшись без финансовых средств, которые предполагалось получить в виде советских кредитов, Югославия попыталась снова сделать ставку на экономическое сотрудничество с западными странами²⁸, настаивая на заключении военных соглашений на коммерческой основе. Но при попытке получения лицензии на производство британского истребителя «Нем» (*Gnat*) оказалось, что при существующих материальных, инфраструктурных и финансовых условиях это невозможно²⁹. Дальнейшее устойчивое развитие и модернизация армии требовали поддержки со стороны того или иного стратегического партнера. Выбирая его из двух возможных вариантов, югославы руководствовались идеологическим сходством и геополитическими оценками.

Окончание соглашения о предоставлении американской военной помощи Югославии косвенно повлияло на динамику реализации ряда проектов, спонсируемых США в рамках Закона о совместной безопасности (*Mutual Security Act*)³⁰. Например, строи-

тельство Адриатической магистрали в переговорах с американскими кредиторами постоянно проходило как военный проект. США взяли на себя его финансирование ещё в январе 1955 г., но в течение двух лет было сделано недостаточно. Югославская сторона в марте 1957 г. предоставила дополнительные документы, надеясь сдвинуть вопрос с мертвой точки, но прямого ответа так и не последовало. 24 января югославский посол в США Лео Матес поднял этот вопрос в разговоре с вице-секретарем Кларенсом Далласом Диллоном (Clarens Douglas Dillon). Он сообщил, что югославскую сторону проинформировали, что ещё не принято решение, каким образом этот проект будет финансироваться, поскольку в новых политических обстоятельствах США всё больше старались изменить формулировку «безвозмездная помощь» на «заем». В ответ Диллон пояснил, что, поскольку проект был представлен как военный, в момент прекращения военной помощи, согласно договору, автоматически прекратилось и его финансирование. Между тем, поскольку речь шла об очень важном вопросе и, учитывая выступления югославских официальных лиц (напр., С. Вукмановича-Темпо о том, что Югославии нужна не помощь (grants), а займы), считалось, что лучше всего будет реализовать этот проект в рамках установленного экономического сотрудничества³¹. Кроме того, 3 февраля 1958 г. было подписано соглашение о поставках американских сельскохозяйственных излишков за 1957–1958 гг. на сумму 62,5 млн долларов, причём около 75% зерна было предоставлено займы сроком на 30 лет, а остальное в виде безвозмездной помощи³².

Бросается в глаза, что изменение международной ситуации летом 1958 г. не повлияло на югославское решение не подписывать новые договоры о западной военной помощи. Новый американский посол в Югославии Карл Ренкин (Carl Rankin), сменивший в феврале 1958 г. Джеймса Ридлбергера, 20 июня требовал от Государственного департамента, в связи с новой напряженностью в отношениях между Белградом и Москвой, которая напомнила ему события 1948 г., быть готовым предложить новые схемы оказания военной помощи Югославии³³. Между тем, уже 1 июля он получил югославское требование, которое было совершенно противоположно его инициативе, в котором его просили ускорить процесс формализации соглашения о прекращении американской военной помощи. Более того, требование содержало предупреждение, что если американская сторона будет и дальше затягивать с решением, то Югославия будет вынуждена отказаться от военной помощи в одностороннем порядке³⁴. Ренкину было понятно, что

это выступление связано не только с желанием окончательно прояснить ситуацию по уже фактически законченной Программе, также оно было сообщением, что как бы серьезно не выглядела ситуация, Югославия всё-таки не ожидает обострения и усиления напряженности, как это было десять лет назад.

Тито воспользовался случаем на переговорах, посвященных ситуации в Ливане и англо-американской интервенции в этой стране, и обратил внимание Ренкина на то, что Югославия, даже в случае ухудшения положения, не желает видеть чужих войск на своей территории, особенно войск отдельных стран. В случае агрессии и невозможности обороны собственными силами, югославское правительство будет искать помощи у ООН как единой организации, но никак не у её членов по отдельности³⁵.

Доступная американская документация демонстрирует очевидный недостаток военных сведений о Югославии в период после прекращения Программы военной помощи³⁶. В большинстве американских анализов положения дел в ФНРЮ, в которых ее военной политике уделялось достаточно внимания, этот вопрос рассматривался только в самых общих чертах. Чаще всего это была попытка угадать югославские намерения с помощью анализа изменений оборонной концепции страны, предусматривавшей переход от стратегии фронтального сопротивления к стратегии сохранения своих сил. Новой задачей югославской армии было бы, в случае невозможности избежать столкновения двух блоков, пережить ядерный удар и организовать сопротивление в новых условиях. Кроме того, было очевидно стремление военных частей достичь самого высокого уровня самодостаточности внутри предусмотренных районов действий, исходя из ресурсов, которыми они располагали, т.е. планировалась тесная координация военных и гражданских структур. По оценке американских аналитиков, югославское командование, располагая самой многочисленной на Балканах армией, насчитывающей около 320 тыс. человек, в случае неудачи или невозможности ведения оборонительных операций, координируемых из единого центра, сможет организовать широкомасштабную партизанскую войну³⁷.

Отсутствие данных могло быть следствием прекращения работы американского отделения администрации Программы военной помощи (AMAS)³⁸, представители которого, используя свои прямые и ежедневные контакты с представителями ЮНА, могли получить информацию о тогдашних проблемах и перспективах югославского военного аппарата. Складывается впечатление, что американская сторона была уверена, что пока власть сохраняется

в руках Тито и его окружения, Югославия не войдет снова в советскую орбиту влияния, т.е. ее территория останется недоступной силам Варшавского договора, за исключением варианта ее захвата военным путем³⁹.

Динамичная и энергичная политика, направленная на сближение с новыми политическими партнерами, недавно освободившимися из колониальной зависимости от европейских империй, была одним из важнейших шагов в этом направлении. Но нельзя было терять из виду и свое положение в Европе, а также необходимость сохранения на должном уровне государственной безопасности, как основного предварительного условия ведения внешней политики в любом направлении. Таким образом, новое охлаждение в отношениях с Востоком в 1958 г. сыграло, может быть, решающую роль – Югославия осталась в сфере западного экономического влияния, но была не готова предоставить только одной стороне монополию одновременно на экономическое и военное влияние на нее. Новые разногласия с СССР на этот раз не предполагали максималистских ожиданий от Югославии в смысле ее формального включения в блок. В таких условиях было легче использовать возможность расширить двусторонние связи на основании экономического сотрудничества с СЭВ и военного сотрудничества, что для Москвы и Белграда было знаком если не союзничества, то хотя бы похороненного состояния враждебности. Когда в 1961 г. с первыми поставками советской военной техники начался период военного взаимодействия с восточным блоком, уже налаженные экономические и политические связи с Западом и будущими неприсоединившимися странами представляли достаточный противовес для сохранения равновесия. Между тем, такое сотрудничество больше не было прямым подчинением. Намерение сохранить хотя бы на минимальном уровне договоренности с Западом о поставках военной продукции выражалось стратегическую линию югославского руководства не отказываться ни от одной из существующих возможностей в данных обстоятельствах⁴⁰.

В конце концов, этот «минимум» не был незначительным и незаметным. Зимой 1959 г. югославские власти попытались получить американский заем, при помощи которого они рассчитывали пополнить свои эскадрильи истребителей и бомбардировщиков. Речь шла о покупке нескольких истребителей Ф-84Г «Тандерджет» (*Thunderjet*) и Ф-86Е «Сейбр» (*Sabre*), которые были на вооружении югославской армии после прекращения Программы военного сотрудничества, находящейся в процессе реорганизации. В марте 1959 г. Ренкин информировал Тито и Кочу Поповича⁴¹, что

по этому вопросу уже заключены договоры и обеспечены финансовые условия⁴². После того, как в конце того же года Югославия купила первые 78 самолетов⁴³, а через год с небольшим еще 130⁴⁴, начало поставок советских «МИГ 21» означало своеобразное сохранение равновесия влияний. Но истребительная авиация не была единственной областью военного сотрудничества с СССР. В течение 1961 г. югославская армия закупила 16 подержанных американских танков «Шерман» (*Sherman*) М4А3, но такое приобретение служило скорее ширмой стратегическому решению снабжения бронетанковых частей советскими танками Т-54 и Т-55. В конце года ЮНА приобрела первые двадцать, а в следующем году еще сорок этих боевых машин⁴⁵. Так началась новая эпоха в истории югославских вооруженных сил, для которой была характерна зависимость в большей степени от советской военной техники, особенно в оснащении военной авиации и бронетанковых частей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О военном сотрудничестве Югославии и Запада см.: *Bekić D.* Jugoslavija u Hladnom ratu. Odnosi sa velikim silama, 1949–1955. Zagreb, 1988; *Bogetić D.* Jugoslavija i Zapad, 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO–u и Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2000; *Lis L.* Održavanje Tita, Beograd, 2003; *Dimitrijević B.* Jugoslovenska armija 1945–1954. Nova ideologija, vojnik i oružje. Beograd, 2006; JNA od Staljina do NATO pakta. Armija u spoljnoj politici Titove Jugoslavije. Beograd, 2006; *Laković I.*, Zapadna vojna pomoć Jugoslaviji 1951–1958. Podgorica, 2006.

² См. *Balkanski pakt 1953–1954.* Beograd, 2005.

³ См. *Milikić M.* Jugoslavija, Italija i Tršćanska kriza 1948–1954. Doktorska disertacija. Univerzitet u Beogradu, fakultet političkih nauka. Beograd, 2012.

⁴ См. *Bogetić D.* Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006.

⁵ См.: *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Luburić R.* (urednik). Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999.

⁶ *Foreign Relations of the United States* (в далее: FRUS) 1958–1960. Volume X Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia, Washington, D.C., 1988. Doc. 122, editorial note. P. 325.

⁷ Дипломатический архив Министерства иностранных дел Республики Сербии (далее – ДАМСПРС). ПА. 1956. Ф. 67, 21, 424055. С. 1–4; ДАМСПРС. ПА. 1957. Ф. 75, 10, 28667. С. 24–25.

⁸ Архив Вооруженных сил Республики Сербии (далее – ВА). С–865–ц, 545, 3. С. 9–13.

⁹ Mutual Defense Aid Program (MDAP) – Программа помощи совместной обороны, на основании Закона о совместной безопасности (Mutual Security Act – MSA) 1951.

¹⁰ *Laković I. Zapadna vojna pomoć... S. 220–221.*

¹¹ ДАМСРС. ПА. Стр. пов. 1955. Ф. 3, 332. Материал для конференции с г. Murphy-jem. Проблемы в работе военной помощи. С. 1–22.

¹² JCS – Joint Chiefs of Staff – Объединённый Генеральный штаб американских вооружённых сил.

¹³ National Archives and Records Administration (далее: NARA). RG 218, JCS, E 13, box 121, f ccs 092 Yugoslavia 7–6–48 sec 28. Department of Defense Policy Position on Yugoslavia. 11 oct. 1956.

¹⁴ Дуайт Эйзенхауэр (Dwight David Eisenhower) – президент США 1953–1961 гг.

¹⁵ *Ibid.* S. 1–2.

¹⁶ *Ibid.* S. 3.

¹⁷ *Bogetić D. Nova strategija... S. 110–111.*

¹⁸ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Doc. 122. Editorial note. P. 325.

¹⁹ NARA. RG 334, E 292, box 27, f 319.1 jan-mar. AMAS quarterly activity report for period ending 31 December 1957; FRUS 1958–1960. Volume X, Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Doc. 122. Editorial note. P. 111, 325; VA. II odjeljenje. K 21, f 3. R br. 3. Vojna pomoć SAD, S 1.

²⁰ *Laković I. Zapadna vojna pomoć... S. 168–172.*

²¹ ДАМСРС. стр. пов. 1955. Ф II, 213. С. 1–4.

²² NARA. RG 273. E1. Box 46, f NSC 5805/1. Operations coordinating board report on U.S. policy toward Yugoslavia (NSC 5805/1). December 10, 1958. P. 5.

²³ Об утверждении югославской внеблоковой и самостоятельной политики в конце 50-х – начале 60-х годов XX в. см.: *Bogetić D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961.* Beograd, 2006; *Bogetić D. Jugoslovensko-američki odnosi 1961–1971.* Beograd, 2012; *Dimić Lj., Bogetić D. Beogradska konferencija nesvrstanih zemalja.* Beograd, 2012.

²⁴ *Лаковић И. Прилог проучавању југословенске војне политике 1958–1961. године // Историјски записи. № 3–4. 2013. С. 229–230.*

²⁵ *Bogetić D. Nova strategija... S. 74–80.*

²⁶ *Dimitrijević B. Modernizacija i intervencija. Jugoslovenske oklopne jedinice 1945–2006.* Beograd, 2010. S. 111–113.

²⁷ *Allen J., Kauzlarich R.* (eds.). From «national communism» to national collapse. US intelligence community estimative products on Yugoslavia, 1948–1990. National Intelligence Council. Washington, 2006. P. 12 (264).

²⁸ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Memorandum of Conversation, Secretary’s trip to New York. 27. September 1958. Doc. 135. P. 362.

²⁹ NARA. RG 334. E 292, box 27, f 319.1 jan-mar; AMAS Air Section Report for April 1957. P. 3.

³⁰ MSA – Mutual Security Act (1951), закон по которому американский Конгресс, под предлогом помощи совместной обороны от коммунизма, одобрил предоставление экономической, материальной, финансовой и военной помощи союзническим странам на сумму около 7,5 млрд долларов.

³¹ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Memorandum of conversation, Washington. January 24, 1958. Doc. 116. P. 307.

³² Архив Югославии (далее – АЈ). КИР. I–3–а САД. Информационные данные об отношениях Югославии и США. С. 1. Согласно этому соглашению, в Югославию должны были поставить 520 000 тонн пшеницы, 20 000 тонн хлопка и 26 000 литров растительного масла. // См.: *Bogetić D. Nova strategija...* S. 279–280.

³³ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, June 20. 1958. Doc. 129. P. 339.

³⁴ *Ibid.* Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade. 1. July 1958. Doc. 130. P. 340.

³⁵ АЈ. КИР. I–3–а САД. Заметка переводчика товарища Кведеревой о разговоре товарища Президента Тито с г. Ранкином, американским послом в Белграде, на встрече в Брионах 26 июля 1958 г. С. 6; FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia, Memorandum of conversation, Brioni, 26 July 1958. Doc 132. P. 348; *Bogetić D. Nova strategija...* S. 259.

³⁶ Более того, в нескольких документах, анализирующих ситуацию в стране, военный компонент сотрудничества упоминается только в немногих сжатых предложениях, чтобы после прекращения Программы помощи военное сотрудничество существовало только в виде поставок небольшого числа запасных деталей и материалов на коммерческой основе, а также организации обучения и тренировок для некоторых югославских военнослужащих. // FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Operations Coordination Board Report, Washington. June 24. 1960. Operations plan for Yugoslavia. Anex A. Defense program in Yugoslavia. Doc. 158. P. 427; *Ibid.* Operations Coordination Board Report. Washington. December 21. 1960. Report on Yugoslavia (NSC 5805/1). Period covered: December 24. 1959 through December 21. 1960). Doc. 177. P. 476.

³⁷ *Allen, Kauzlarich*, данный сборник документов, NIE 15–61, Outlook for Yugoslavia, P. 12 (264).

³⁸ AMAS – American Military Assistance Staff, отделение, которое, согласно соглашению о американской военной помощи, при посольстве США в Белграде планирует и программирует поставки военных материалов в Югославию // См.: *Laković I. Zapadna vojna pomoć...* S. 187–202.

³⁹ FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. National Security Council Report, 5805. Washington. February 28, 1958, Draft Statement of U.S. Policy toward Yugoslavia. Doc. 120. P. 317.

⁴⁰ Югославская сторона настаивала на долгосрочных экономических связях с Западом. Таким способом она старалась избежать постоянной ежегодной проверки ее политики и продемонстрировать ее стратегическое определение сотрудничества с Западом, как одного из центральных компонентов политического направления // FRUS 1958–1960. Volume X. Eastern Europe, Finland, Greece, Turkey, Part II, Yugoslavia. Telegram from the Embassy in Yugoslavia to the Department of State. Belgrade, March 21, 1959. Doc. 142. P. 374–375.

⁴¹ Константин (Коча) Попович – югославский секретарь иностранных дел.

⁴² *Ibid.* Memorandum of conversation. 19. March 1959. Doc. 141. P. 372.

⁴³ *Ibid.* Operations coordinating planning board report. Washington. December 23, 1959, Report on Yugoslavia (NSC 5805/1). Doc. 152. P. 401.

⁴⁴ *Ibid.* Operations Coordination Board Report. Washington. December 21, 1960. Report on Yugoslavia (NSC 5805/1). Period covered: December 24, 1959 through December 21, 1960). Doc. 177. P. 476. *Ibid.* Operations Coordination Board Report. Washington. December 21, 1960. Report on Yugoslavia (NSC 5805/1). Period covered: December 24, 1959 through December 21, 1960). Doc. 177. P. 476. Первые 78 самолетов были штурмовиками Ф-86Е, а позже были приобретены 130 истребителей-бомбардировщиков Ф-86Д. // См.: *Laković I. Zapadna vojna pomoć...*, S. 270.

⁴⁵ *Dimitrijević B. Modernizacija i intervencija...* S. 126–127; *Allen J. Kaulzlarich R.* Memo for the Director, Yugoslavia and the Soviet Bloc, 18 July 1963, pg 3 (293).